

Строители Российской империи

Памятник Николаю I в Петербурге.

Художник Карл Шультц

Материал для подготовки уроков и
внеклассных мероприятий по темам:

«Русско-немецкие отношения в XIX –
начале XX веков.

Отечественная война 1812 года.

Заграничный поход Русской армии.

Внешняя политика Российской империи
в 1815–1855 годах. Культура России
в начале XX века».

Россия и Германия... Века взаимодействия и противостояния, дружбы и вражды. Но, несмотря на такие «пёстрые» отношения, Германия как ближайший и крупнейший западноевропейский сосед России всегда оказывалась для неё главными воротами в мир европейской цивилизации. Исторические факты рельефно и убедительно рисуют начиная с XVI в. картину взаимного притяжения и отталкивания двух соседских, но культурно несхожих традиций, двух национально-государственных судеб.

Открытие Германией своего восточного соседа состоялось задолго до Петра I. Начало неуклонного вхождения немцев в жизнь России (тогда это была Московская Русь) можно отнести к середине XVII в., ко времени возникновения Новой Немецкой слободы в Москве. И тогда же зародилось двойственное отношение москвитов к «немцам», то есть к «чужакам». Немецкая слобода стала зримым выражением компромисса между насущной национальной потребностью в контактах с Западом и страхом перед его влиянием, порождённым кризисом религиозного и культурного сознания русского человека в эпоху после Смуты. Но процесс взаимного узнавания двух культур, несмотря на первоначальную взаимную отчуждённость, неуклонно продолжался.

Новая эпоха в российско-германских отношениях наступила с началом петровских преобразований. Немецкие «спецы» (пользуясь терминологией совсем другой эпохи) – инженеры, военные, учёные, дипломаты, купцы, промышленники, ремесленники, авантюристы – хлынули в незнакомую Московию, которая становилась мощной Российской империей, как корабль, выходящий волей Петра бороздить морские просторы. Они описывали её, давали советы своим соплеменникам, как иметь с ней дело, торговать, общаться.

Иностранцы-строители Российской империи... Они воевали и законодательствовали, создавали Академию наук и университет, открывали новые земли, писали книги, лечили людей... Они приносили с собой обычаи, культуру, ценности Запада, одновременно узнавая культуру, быт и нравы русского народа.

8-9

К Л А С С Ы

Народился особый социально-культурный тип «русского немца», прочно вошедший в жизнь России и отражённый своими характерными чертами в русской литературе. Не случайно писатель Иван Гончаров, тонкий наблюдатель жизни, выразил своё понимание вечных вопросов российской действительности в романном притяжении-отталкивании двух персонажей, двух постоянно возрождающихся образов — Обломова и Штольца.

«Русские немцы» наложили отпечаток и на придворные нравы, и на обычаи чиновничества и дворянства. Гений российской бюрократии М.М.Сперанский заимствовал, как известно, свою административную систему с наполеоновских образцов. Но, чтобы привести её в действие, чтобы впрячь в оглобли службы даровитую, но беспорядочную русскую натуру, понадобились немцы. Недаром два бюрократических царствования — Николая I и Александра II — были эпохой сильного немецкого влияния в государственном аппарате.

Хотелось бы познакомить читателей с некоторыми «русскими немцами», которые связали свою судьбу с Россией, став частью её государственной, военной, экономической, культурной истории, обогатив её плодами своих трудов и таланта.

СПАСИТЕЛЬ ПЕТРОПОЛЯ **Генерал П.Х.Витгенштейн**

Ночь с 18 на 19 июля 1812 г. была звёздной, тёплой и безветренной. Авангардный 26-й егерский полк расположился недалеко от занятой французскими войсками маршала Удино деревни Клястицы, что находилась рядом с большаком, выводившим на Себежский и оттуда на Петербургский тракт, ведущий напрямик в столицу Российской империи. Французы отчаянно наступали. Русская армия отходила, неся потери. Воинский дух падал. Накануне егерский полк попал в жаркое дело. Авангард под командованием генерала Якова Кульнёва, высланный командующим 1-м корпусом генералом Витгенштейном, чтобы разведать боем обстановку, неожиданно у деревни Якубово наткнулся на главные силы французов. Бой был неравным. Русских спасло только то, что Удино не разобрался, ведёт ли он бой с основными или только с авангардными силами противника, и потому осторожничал.

Ночь дала отдых двум сторонам.

На опушке леса около лафета пушки лежал молодой поручик. Это был его первый серьёзный бой. Накануне его контузило. Нестерпимо болела голова, хотелось пить. Он отполз от лафета и нащупал руку лежавшего рядом и храпевшего солдата.

— Нет ли воды? — прошептал он спёкшимися губами.

Солдат спросонья нащупал и протянул ему манерку с водой. Она была тёплая и отдавала ржавчиной. Поручик сделал несколько глотков, а остальную воду выплеснул, откинулся навзничь и закрыл глаза.

Спать он не мог. Было тихо. От подождённой накануне французами деревни тянуло дымом. Изредка всхрапывали лошади, иногда раздавался сухой треск ружейного выстрела. Это французский часовой наугад палил в русскую сторону.

«Что ожидает меня? — с бьющимся сердцем думал поручик. — Не довольно ли на первый раз такого испытания моей храбрости?»

Он понимал, что войска неприятеля с рассветом пойдут в атаку и, используя своё численное превосходство, сомнут и уничтожат немногочисленные силы русских, к тому же весьма поредевшие в предыдущем бою. К тому же он несколько дней назад подслушал разговор генерала Кульнёва с полковником Ротом, его командиром. В Петербурге — паника. Ждут французского наступления. Государь приказал наиболее ценные коллекции Эрмитажа вывезти на баржах в Петрозаводск, эвакуировать архивы высших государственных учреждений и снять обе статуи Петра Великого — большую и ту, перед Михайловским замком... Значит, так плохи наши дела... Правда, в глубине сознания теплилась надежда, что их командующий корпусом граф Витгенштейн, такой опытный и надёжный, что-то придумает.

Молодой поручик не догадывался, что генерал Витгенштейн ночью разделит основные силы своего корпуса на две части и одну — 5-ю пехотную дивизию генерала Берга, 23-й егерский полк и артиллерию — подтянул к авангарду Кульнёва, а вторую часть оставил в резерве, в лесу. Предстояло большое сражение.

Занималась заря. В неприятельской цепи началась перепалка. Русские не замедлили с ответом. Загремела артиллерия. Егерский полк атаковал деревню Якубово, что лежала перед Клястицами, и ворвался в неё, но был вытеснен противником. Удино, видя, что перед ним оказались главные силы русских, которых он не ожидал здесь, вынужден был ввести в бой свежие силы. Русские стали колебаться. Тогда Витгенштейн приказал первой линии под командой Берга атаковать. Севский и Калужский полки, подкреплённые гусарами, пошли на центр армии Удино. Вторая линия войск выступила для поддержки первой.

Удино, застигнутый врасплох такой энергичной атакой, не сумев собрать все свои силы в один кулак, начал отходить к реке Нище, на берегу которой в Клястицах находилась его главная квартира. Войска Витгенштейна двинулись со всех сторон на песчаные высоты и взяли их. Видя это, Удино поджёг переправу. Русские гренадёры, поддержанные артиллерией, бросились в Клястицы на штыках. Они пробежали сквозь пламя и овладели селением. Ямбургский драгунский полк с ротой пушек перешёл реку вброд. Неприятель повсюду отступал, отстреливаясь и бросая обозы.

На следующий день, сидя в деревенской избе Клястиц, превращённой в штаб корпуса, Витгенштейн писал донесение командующему 1-й армией

Барклаю-де-Толли: «Полки мужеством и храбростию делали невероятные усилия, которых не могу довольно описать. Всё, что им ни противопоставлялось, батареи и сильные колонны, несмотря на ожесточённое, упорнейшее защищение, опрокидывали и истребляли штыками и действием артиллерии. Все селения и поля покрыты трупами неприятельскими. В плен взято до 900 человек и 12 офицеров. Пороховые ящики, казённый и партикулярный обоз, в числе которого генеральские экипажи, остались в руках победителей».

Витгенштейн усмехнулся, вспомнив, что утром его ординарец передал слова песни, сочинённой солдатами в честь вчерашней виктории. В памяти всплыли слова: «Не боимся Удино, он для нас ничто — г...!» Не вставить ли их в письмо Барклаю? Нет, не поймёт. Вот к Кутузову было бы можно...

Впечатление в России (и особенно в Петербурге) от победы под Клястицами было огромным. Это была первая крупная победа российских войск над считавшимися непобедимыми французами. Она была одержана в тот момент, когда армии Барклая и Багратиона продолжали отступать, уклоняясь от решительной встречи с превосходящими силами противника. Поэт Жуковский назвал Витгенштейна «вождём-героем» и «спасителем Петрополя». Появилось множество его гравированных изображений. Жители Пскова, для которых победа под Клястицами устранила угрозу вторжения французской армии, хотели воздвигнуть в городском кремле памятник полководцу. Эту почесть он разумно отклонил, заявив, что уже самая при-

знательность псковитян «будет служить ему всегдашним памятником».

В послужном списке Витгенштейна за 1812 г. значится ещё немало славных дел. В первых числах августа его войска вели под Полоцком упорные бои с корпусами Удино и Сен-Сира. Но эти бои не принесли ни одной из сторон успеха, и только после того, как в ряды корпуса Витгенштейна влились дружины Петербургского и Новгородского ополчения, он перешёл в наступление и 7 октября штурмом овладел Полоцком. Но в сражении у реки Березины в ноябре 1812 г. полководца постигла неудача. В чрезвычайно сложной и быстро менявшейся обстановке он проявил нерешительность и подошёл к месту переправы, когда Наполеон с основной частью войск, ещё сохранивших боеспособность, уже перешёл на правый берег реки.

После смерти популярного в войсках Кутузова перед Александром I встал вопрос: кого назначить главнокомандующим в совершавшемся Западном походе русской армии? Нужен был полководец, умевший использовать «дух войска» для организации новых побед над Наполеоном и любимый солдатами и офицерами. Выбор пал на Витгенштейна.

Однако пробыл он на этом посту недолго. Лично храбрый, умевший увлекать за собою войска, он мог с успехом командовать отдельными армиями, но не обладал ни достаточно крупным полководческим талантом, ни административным опытом, чтобы управлять огромными армиями. Один из участников событий 1813 г. дал такую характеристику Витгенштейну-главнокомандующему: «Беспечность его относительно внутреннего управления армии привела её в расстройство до такой степени, что иногда не знали расположения некоторых полков. Главная квартира его походила на городскую площадь, наполненную вестовщиками. По доброте души своей он не воспрещал к себе свободного доступа никому; комнаты его наполнены были всегда праздными офицерами, которые разглашали сведения о всех делах...»

Кроме того, сказалось непостоянство императора. Он быстро охладевал к людям. И после неудачного сражения под Бауценом в мае 1813 г., поддавшись уговорам прусского короля, Александр I предложил Витгенштейну оставить свой пост. Такой же исход ждал полководца и в Болгарии в 1828 г., когда Николай I фактически отстранил убеждённого сединой фельдмаршала от управления войсками. Причина крылась не в военных неудачах (судьба военачальника переменчива), а в любви Витгенштейна к интригам и искательству власти и чинов. Декабрист Сергей Волконский вспоминал о простоте обращения фельдмаршала с подчинёнными, о его «чувстве долга и рыцарском образе суждений». Имя Витгенштейна стоит рядом с героями Отечественной войны Кутузовым и Багратионом. Его любили солдаты, в песнях ко-

торых он упоминается рядом с Суворовым и Кутузовым, в отличие от Барклая-де-Толли, выдающегося полководца, не пользовавшегося, однако, популярностью в солдатской среде. Витгенштейн старался выполнять завет Суворова — щадить солдата, одерживать победы «малой кровью». Таким он и оказался запечатлён в народной памяти.

ЗАВЕЩАНИЕ КАНЦЛЕРА *Дипломат К.В.Нессельроде*

Зимним метельным вечером 11 февраля 1856 г. в Петербурге, на Дворцовой площади, в величественном ампирином здании Министерства иностранных дел, за массивным дубовым столом большого кабинета сидел тщедушный старый человек и что-то быстро писал по-французски аккуратным бисерным почерком.

Это был канцлер граф Карл Васильевич Нессельроде, в течение сорока лет руководивший внешней политикой Российской империи и теперь вынужденный думать об отставке.

Через два дня начнутся в Париже мирные переговоры между Россией и её противниками в Крымской, или Восточной, войне, в которой Россия потерпела сокрушительное поражение. Ему уже 76 лет, но он кажется на десяток лет моложе. Седые волосы, разделённые пробором, ещё довольно густы. Бакенбарды обрамляют лицо, делая его более длинным. Нос крупный, орлиный, взгляд одновременно пристальный и улыбающийся под круглыми стёклами очков в серебряной оправе. Уголки несколько великоватого рта во время беседы приподнимаются в язвительной улыбке. Голос ясный, звонкий, вибрирующий.

«Да, быстро пролетели годы, — думал престарелый канцлер. — Мне довелось пережить трёх императоров. Но я вовсе не столь уж немощен, хотя внешне производжу впечатление слабого человека».

Он усмехнулся, вспомнив, как на докладах старался не подходить близко к огромному, саженного роста Николаю I, чтобы не казаться ещё ниже.

«Но безжалостная болезнь свалила и такого исполина, обладавшего, казалось бы, несокрушимым здоровьем, а я вот ничего, живу и чувствую себя совсем не плохо».

Он загодя принял решение отойти от дел, когда стукнет 75. Он знал, что его отставки ждут и царь Александр II, и его окружение, считавшее вместе с общественным мнением, что он один из главных виновников Крымской катастрофы. Но ничего, пусть подождут, пусть подождёт его старый соперник, князь Александр Михайлович Горчаков, который так стремится в его кресло. Ему предстоит ещё одно большое дело — Парижский мирный конгресс, и он сможет ещё показать, на что он способен как дипломат.

А ведь в начале своей карьеры он был нужен императору Александру I. К его голосу прислушались европейские дворы. Он помнит, как в 1814 г.

русские войска с триумфом, не как сейчас, после севастопольского разгрома, приближались к Парижу и как незадолго до этого он, тогда ещё сравнительно молодой человек, остановился во Фрайбурге у любовницы майнцского курфюрста, и как она угостила его на славу, щеголяя пуншем, который одна она умела делать для своего возлюбленного. Он всегда был гурманом, любил изысканные кушанья и старинные, выдержанные вина. Слава богу, у него всегда были хороший аппетит и прекрасный желудок, может быть, потому, что он постоянно придерживался одних и тех же привычек, никогда не курил, любил дамское общество и итальянскую оперу...

Он прекрасно помнит день 31 марта 1814 года. Да, это был триумф императора Александра I, союзных государей — австрийского и прусского, к которым он всегда испытывал большую симпатию. И его личный триумф тоже. Он готовил его не на полях сражений, не в открытом бою, а в тайных лабиринтах дипломатической игры. Что ж, у каждого свой жребий. Это он, будучи секретарём русского посольства в Париже, по поручению императора налаживал тайные отношения между Александром и Талейраном, «хромым дьяволом», как его называли современники, циничным и изворотливым вершителем политики наполеоновской Франции.

Когда Наполеон отрёкся от престола, он сказал одному из своих приближённых: «Я гибну от предательства. Талейран предал религию, Людовика XVI, Учредительное собрание, Директорию: почему я его не расстрелял?».

Талейрану нужны были деньги, а кроме того, он предвидел близкое падение Наполеона и хотел обеспечить свою будущую карьеру. Его можно по-

нять. Он, Нессельроде, получал от него тайные шифрованные письма, в которых давались полезные указания относительно внутреннего состояния Франции, секретных замыслов Наполеона. Об этих сношениях не знали даже непосредственные его начальники — русский посол в Париже князь Куракин и министр иностранных дел граф Румянцев. Но он, Нессельроде, переиграл самого императора: втайне от государя он сообщал секретные сведения Талейрана через подкупленного чиновника экспедиции дешифровки влиятельному Сперанскому для усиления позиций последнего в дворцовых интригах. Когда Сперанский пал, как он боялся, что его разоблачат, но, слава богу, пронесло.

В памяти всплыл один эпизод. В начале марта 1814 г. к нему, находившемуся в Труа, недалеко от столицы Франции, в штаб-квартире союзников, тайно привели покрытого пылью и забрызганного грязью француза-роялиста де Витроля с запиской Талейрана, написанной симпатическими чернилами: «Пришло время стать более решительными. Вы идёте на костылях, воспользуйтесь вашими ногами и делайте то, что вы можете». Вопрос о движении русских войск на Париж был окончательно решён.

И вот — последний день марта в Париже. Рано утром, едва рассвело, его разбудили: Александр ждёт. Царь поручил ему лично перед вступлением союзных войск в Париж снести с Талейраном и начать с ним переговоры. День был воскресный, погода стояла чудесная, тёплая. Он въехал в Париж в сопровождении казака и австрийского офицера князя Лихтенштейна. Бульвары, живописные парижские бульвары, были заполнены нарядной толпой. Все окна и балконы пестрели дамскими шляпками. Народ кричал: «Да здравствует Александр! Да здравствует король прусский! Да здравствуют Бурбоны!». Талейрана он застал за туалетом. Полупричёсанный, он выбежал Нессельроде навстречу, бросился в его объятия и осыпал его пудрой. Нессельроде передал своему собеседнику желание Александра не оставлять Наполеона на троне Франции. Покуда они беседовали, царь во главе своей армии вступал в город, направляясь к Елисейскому дворцу. Во время торжественного шествия какой-то неизвестный сунул кому-то из царской свиты анонимную записку с уведомлением, что дворец заминирован. Государь растерялся и тут же передал это известие Нессельроде. Инцидент был немедленно урегулирован: Талейран рад был предоставить свой особняк «на постой» российскому самодержцу. «Я занимал комнату в отеле Талейрана, — вспоминал Нессельроде, — и проводил целый день, а часто и большую часть ночи, путешествуя взад и вперёд то к государю, то к лицам, принимавшим участие в направлении великих событий».

Действительно, будущий канцлер принял самое активное участие в Венском конгрессе, открывшемся в столице Австрии в сентябре 1815 г., и в создании Священного союза, который закрепил победу России, Австрии, Пруссии, Англии над Наполеоном и создал систему международных отношений, сохранившуюся до Крымской войны 1853 года.

Главными охранителями этой системы стали председатель Венского конгресса австрийский канцлер князь Меттерних, которому ещё Наполеон прочил блестящую политическую карьеру, потому что он «хорошо лжёт», и его верный ученик Нессельроде. По замыслу своего создателя императора Александра Священный союз государей Европы должен был вносить в международные отношения начала прочного мира и братства. Государи Европы должны были относиться друг к другу как братья, а к своим подданным — как отцы. Все ссоры и международные недоразумения должны были улаживаться мирным путём. Намерения замечательные, спору нет, если бы...

Священный союз явился космополитическим образованием. Национальные интересы народов оказались принесены в жертву стремлениям монархов и их правительств, преследовавшим свои, эгоистические цели. Именно в рамках отдельных государств зрели семена национализма и респу-

бликанизма. Национальные партии, чьё влияние крепло в общественном сознании почти всех европейских стран в 1820-е гг., крайне болезненно относились к вопросам изменения государственных границ, охранения государственного суверенитета и престижа.

Но национальные границы между государствами перекраивались так и сяк: Конгресс восстановил прежние границы Франции, сделал обширную прирезку к Австрии, произвёл перекройку Германии, долгие торги вызвал самый сложный дипломатический вопрос того времени — польский.

Но этого мало. В основу «венской системы» лёг принцип «легитимизма» (законности), утверждавший необходимость возвращения на престолы свергнутых революцией династий и восстановления старых королевств. Вся история Священного союза показывает, как благие пожелания обращаются во зло народам.

В начале своего царствования Александр I хотел либеральных преобразований. Но с течением времени он понял, что и либералы, и революционеры действуют заодно против легитимных правительств, которые, правда, не исполняли своих обязательств, данных своим подданным.

Александр увидел плоды европейских революций. И испугался... Как правитель он устал, у него атрофировалась политическая воля, и поэтому между ним и Меттернихом образовалось полнейшее единомыслие, ставшее тормозом даже для разумных преобразований как в самой Империи, так и за её пределами.

В сознании русского царя моральные максимы и мистические фантазии баронессы Крюденер вытеснили здравые принципы политики, которая не терпит отсутствия здравого смысла и точного расчёта. Так, во время греческого восстания против турецкого гнёта в 1822 г. Александр не оказал грекам-христианам реальной помощи. «Я усмотрел в войне греков революционный признак времени», — с неудовольствием заметил царь французскому посланнику.

Это время явилось звёздным часом для Нессельроде. Его ум не умел рождать новые оригинальные политические идеи, он был усерднейшим и точнейшим исполнителем чужой воли. Именно такой деятель нужен был преемнику Александра — императору Николаю I. Задолгие годы службы Карл Васильевич научился оставлять своё мнение на пороге императорского кабинета. Откровенные суждения, сомнения и тревоги поверялись лишь частным письмам. Перед самодержцем представлял исполнительный чиновник, готовый облечь в гладкие французские фразы монаршие распоряжения.

Николай I продолжал легитимистскую политику своего брата. Только он пытался подчинить свои цели ещё более масштабной задаче — расширить Империю и на Западе, и на Востоке, сделав-

шись вершителем судеб цивилизованного человечества. Но его рыцарственный характер и служение высоким и неизменным принципам, как он их понимал, были чужды прагматичному духу времени, циничным нравам большой европейской политики.

Священный союз незаметно подгнивал изнутри. Всё это не могло не привести к европейской катастрофе — Крымской войне 1853–1856 годов. Николай знал, что либеральные настроения живут в его собственной стране, но надеялся одолеть этого страшного противника усилением имперского могущества. Николай Павлович раскладывал карты геополитики таким образом: нужен прорыв к Индии, и если не захват её, то продвижение через Афганистан к самым её границам для противоборства с Англией. Так создавалась бы мощная Восточная империя, сателлит России, во главе с представителями российского императорского дома. Эта империя контролировала бы Чёрное море, дотягивалась бы до Средиземного, а азиатские рынки упрочивали бы экономическое положение России.

Таким образом Российская империя вкупе с Восточной становилась не страной, а своеобразной «частью света». Под такие геополитические расклады подвёрстывалась русская «восточная политика», которую должен был реализовывать Нессельроде.

Но новых завоеваний не получилось. Военное могущество России, представлявшееся Европе громадным, легко рушилось при первом столкновении с регулярными силами европейских государств. Страна не могла справиться с организованной военной силой Запада из-за хаотического состояния военного хозяйства и отсталости вооружения, из-за отсутствия подготовленных и привыкших к самостоятельному ведению дел генералов. Россию от национальной катастрофы могли спасти только внешний и внутренний мир и разумно-постепенные преобразования.

Как ни странно, в конце своей дипломатической карьеры это понял Нессельроде. Он был личностью более сложной, чем это представлялось его хулителям. В тот день, 11 февраля 1856 г., он сочинял свое политическое завещание, названное им «Запиской о политических соотношениях России». В ней, по существу, признаётся ошибочность основных принципов, на которых пытался строить Нессельроде внешнюю политику страны на протяжении всего своего долгого руководства. Старый канцлер писал о «неотлагательной необходимости» заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. «Эта внутренняя работа является первою нуждою страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена».

Что ж, эти мысли канцлера могут пригодиться и современной России...

ПАТРИАРХ КОММЕРЦИИ Л.Г.Кноп

В середине XIX в. среди москвичей пользовалась большой популярностью поговорка: «Где церковь, там и поп, а где фабрика — там Кноп».

Сейчас почти забыта исключительная роль «русского немца» Иоганна-Людвига Кнопа в становлении российской крупной промышленности. А ведь его с полным правом можно поставить в один ряд с англичанином Ричардом Аркрайтом, организовавшим в XVIII столетии у себя в стране первые фабрики-прядильни, или с американцем Рокфеллером. Российский предприниматель — часто грубая и жестокая сила, но она не раз спасала нацию от спячки, от загнивания народного духа. Народная память отразила тёмное, нередко преступное происхождение купеческих богатств. Обобрал хозяина, казну, а то и зарезал кого-нибудь тёмной ночью — такие зловещие легенды тянулись по Руси за многими из миллионщиков. Но для такой карьеры недостаточно дерзости и удачи. Яркая талантливость окрашивала социальное восхождение новых людей.

Состояние Кнопа имеет нескольких «отцов» — английскую хлопчатобумажную промышленность, протекционистские тарифы, российского министра финансов Егора Францевича Канкрин, поддерживавшего отечественную крупную промышленность, и, конечно, коммерческий гений самого Кнопа.

Всё началось с того, что в 1840-е гг. в Англии было отменено запрещение вывозить из страны машины. В России бумаготкацкое производство жило главным образом иностранной, английской, пряжей. Стоимость пряжи и бумажных тканей в Англии всё падала. Это отражалось и на цене пряжи в России. Мелкие фабрики разорялись. Конкуренция англичан побуждала русских фабрикантов к введению на своих производствах усовершенствований, то есть, попросту говоря, к ввозу дорогих машин, которые были по карману только крупным фабрикантам. В условиях жёсткой протекционистской политики российского правительства этот импорт машин и рабочей силы, способной первое время работать на них, не мог не быть монополизирован одним человеком. Им оказался Иоганн-Людвиг (или по-русски Лев Герасимович) Кноп.

Сын мелкого торговца, он родился в Бремене в 1821 г., обучался там в коммерческом училище и тотчас по окончании курса сделался коммивояжёром манчестерской торговой фирмы «Де Джерси», которая вывозила в Россию английскую пряжу. Людвиг провёл год на родине английской хлопчатобумажной индустрии, в Рочделе. Этого срока ему оказалось достаточно, чтобы ознакомиться как с торговлей, так и с самим производ-

ством пряжи. Как знать, может быть, там и родилась у него идея — пересадить рочдельскую промышленность на российскую почву?

Как бы то ни было, в 1839 г. Кноп прибыл в Москву в качестве помощника председателя фирмы «Де Джерси». Тогда это был 18-летний юноша, честолюбивый, полный сил и энергии, твердо знавший, чего он хочет.

И фортуна улыбнулась ему. Он встретил Савву Васильевича Морозова. Со времён Отечественной войны 1812 г. купцы Морозовы занимались хлопчатобумажным делом и как мелкие производители, и как торговцы пряжей.

Наконец они решили организовать своё собственное фабричное производство — знаменитую впоследствии Никольскую мануфактуру. Савва Морозов поручил молодому Кнопу оборудовать её прядильными машинами и ткацкими станками.

Задача была не из лёгких. Английские промышленники не имели большого желания создавать в чужих краях конкурирующие с ними фабрики и не были склонны поэтому открывать большие и долгосрочные кредиты. Нужно было убедить московское купечество и российских чиновников в выгоде и осуществимости небывалой до селё сделки.

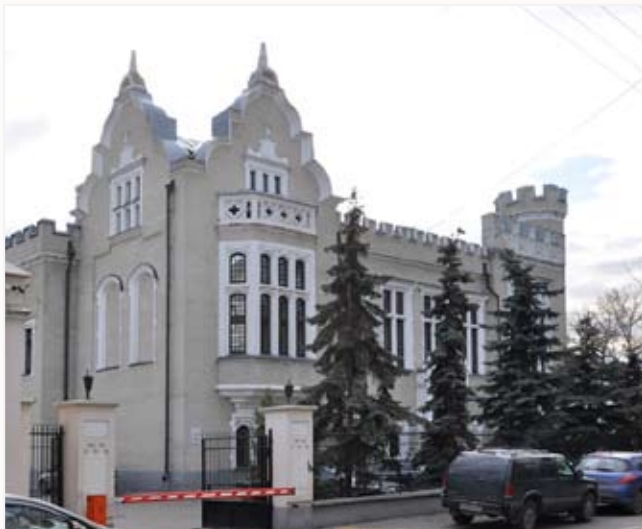
Кнопу ещё раз повезло. Оказалось, что у него... отличный желудок. Нравы купеческой Москвы того времени, замечательно описанные Николаем Семёновичем Лесковым, были ещё вполне азиатскими, многие сделки совершались в трактирах или «за городом, у цыганок». Деловые «обеды» проходили обычно так: кто-то из купцов ставил на стол свою шляпу-цилиндр, затем начинали пить и пили до тех пор, пока шляпа не наполнялась пробками от шампанского. В конце подобных «обедов» часто стаканы, бутылки и зеркала летели в потолок или в головы соседей.

Кноп быстро вошёл в московское купеческое общество, стал приятным и доверительным собеседником, готовым разделить дружескую компа-

Кренгольмская мануфактура. 1886 год

Лев Герасимович Кноп с женой.

нию и выдержать обильные возлияния. Кроме московских купцов, Кноп с помощью своего младшего брата сумел завязать деловые отношения с промышленниками в Манчестере, Сальфорде, Ольдгейме и получить от них монопольное право на представительство в Москве. В Манчестере он стал единственным и непререкаемым авторитетом по российским делам.

Успех в оборудовании Никольской мануфактуры по последнему слову тогдашней техники был решающим.

За Морозовыми последовали другие... В течение нескольких лет почти вся текстильная, главным образом хлопчатобумажная, промышленность Москвы и Владимира была модернизирована и переоборудована заново. Предприятия Малютина, Хлудова, Якунчикова и других купцов были обязаны своим существованием и процветанием Кноп. Он давал кредиты, налаживая поставки пряжи из Англии и даже из Египта, основывал новые акционерные общества. Кноп контролировал 122 предприятия, в правлениях и дирекциях которых сидели его люди.

Он стал некоронованным королём текстильного производства России. Его финансовое могущество основывалось ещё на одном предприятии — Кренгольмской мануфактуре в Нарве. Это текстильное производство было в 1860-х гг. крупнейшим в Европе. Там работало более 400 тысяч механических веретён и более двух тысяч ткацких станков.

Мануфактура была поставлена вблизи Нарвского водопада, что давало возможность использовать турбины. Помогало и близкое расположение морской гавани, значительно удешевлявшей доставку угля, хлопка, машин и строительных материалов. Организация труда была образцовой. Здания выстроены из камня и железа, мастерские обширны и высоки, с рабочими — эстонцами и русскими — директор-англичанин обращался уважительно, не допускал крика и побоев. В 1863 г. там впервые в России были применены автоматиче-

ские чесальные машины. Кренгольмскую мануфактуру современники называли «островком Англии в пределах Российской империи».

Последние годы жизни Кноп проводил в Петербурге и Нарве. Но трижды в год ездил старый Кноп в Москву. Там его встречали, как патриарха. Никто не начинал торгов на бирже, прежде чем не появился Кноп. В 1877 г. ему было пожаловано потомственное баронское достоинство. Он умер в 1894 г., став, без сомнения, самым крупным промышленным магнатом России. Конторы торгового дома «Лев Кноп» были разбросаны по всему миру — от Нового Орлеана до Бомбея.

Сыновья Кнопа — Андрей и Фёдор Львовичи — не унаследовали энергии и талантливости отца. Могущество фирмы было сильно поколеблено и тем, что русские фабриканты стали посылать своих сыновей в Западную Европу, где последние завязывали связи, учились свободно говорить по-немецки, по-английски и по-французски, получали право заключать сделки на собственное имя, без посредников.

Уникальные коммерческие традиции Кнопа умерли. Глухим напоминанием о них, о былом могуществе и богатстве служит чудом сохранившийся «дом Кнопа» в Москве, выстроенный в начале прошлого века в стиле модерн.

Но неужели ничего не осталось другого?

Пожалуй, есть одно соображение. Наблюдая мгновенное, почти чудесное возникновение многих современных российских состояний, мы забываем, что настоящее, неэфемерное богатство рождалось постепенно и завоёвывало себе признание и общественную репутацию десятилетиями. Оно основывалось на конкретных делах и реальном сотрудничестве, на стремлении (пусть и небескорыстном) овладеть западными технологиями и высокой европейской культурой и на желании применить всё это у себя дома, в России. Именно об этих простых, но забытых истинах напоминает нам история одной фирмы, носившей когда-то звучное имя — торговый дом «Лев Кноп».

ИГРОК С НЕИЗВЕСТНЫМ

Режиссёр В.Э.Мейерхольд

В субботу, 25 февраля 1917 г., Петроград был насквозь пропитан атмосферой исключительных событий. Заводы стояли. Трамваи не ходили. Выстрелов уже не было слышно, хотя кое-где на снегу виднелись свежие пятна крови. Ходили слухи о скором прибытии войск. Медленно темнело. На Выборгской стороне из вагонов трамвая и телеграфных столбов строились баррикады. Народ и власть как бы замерли перед последней решительной схваткой. В эти часы решалась судьба величественной, создававшейся веками Российской империи.

Строгое и одновременно грациозное здание императорского Александрийского театра, творение гениального Росси, в тот вечер сияло огнями.

Несмотря на события в городе и утреннее несчастье (шальная пуля убила студента прямо в вестибюле театра), давали премьеру — «Маскарад» М.Ю. Лермонтова. Когда нарядная аристократическая публика вошла в зал, ей сразу бросился в глаза установленный на сцене вызолоченный и украшенный лепниной архитектурный портал. Колонны портала вторили колоннам боковых лож бенуара. Сцена и зал, актёры и публика тем самым сливались в единое целое, будучи вовлечёнными в загадочное и страшное, насыщенное демонизмом сценическое действие. Главный занавес, красный с чёрным, собранный пышными фестонами, отделанный серебром, а внизу по самой середине украшенный всеобразными раскинутыми картами, с самого начала своим зловещим полыханием задавал тон действию.

Когда он поднялся, перед зрителями открылся не менее зловещий интерьер игорного дома.

Красно-лилово-чёрные ширмы сжимали пространство сцены. За столом, накрытым зелёным сукном, сидели и стояли игроки. Их обволакивали клубы табачного дыма. Шла игра. Не только на деньги. На кону стояли любовь, честь, достоинство, наконец, сама жизнь человека. Это был мир нечестной азартной игры, понятый и показанный режиссёром спектакля как основополагающий и вездесущий принцип жизни. В быстро мчащихся одна за другой сценах развёртывалась трагедия людей, бьющихся в мщении за поруганную честь, мятущихся в любовном безумии в роковом круге игроков, в убийствах сквозь слёзы и в смехе после убийства.

И вот — действие сразу ввергается в яркую и многоцветную карнавальную стихию. Под тревожную музыку Глазунова сквозь прорези занавеса то тут, то там выглядывают в зрительный зал весёлые маски. Звоня бубенчиками, занавес поднимается. Картина, которая в этот момент открылась глазам зрителей, была ослепительна. Маски, маски, тысячи масок... Тут и ожившие игральные карты, и персонажи итальянской комедии дель арте, и карлики, и шуты, и жирафы, маркизы, амуры... Все они, мешаясь со многими персонажами, явившимися без масок, выполняя сложные фигуры кадрили, танцевали вокруг обитого золотым бархатом дивана в центре сцены. Этот громадный диван был как золотой остров на жёлтом блестящем паркетном полу посреди многоцветного неостановимого, уже почти автоматического танца жизни. Мелькающие в пароксизме веселья маски, люди, занавеси напоминали о предсмертном цветении красоты.

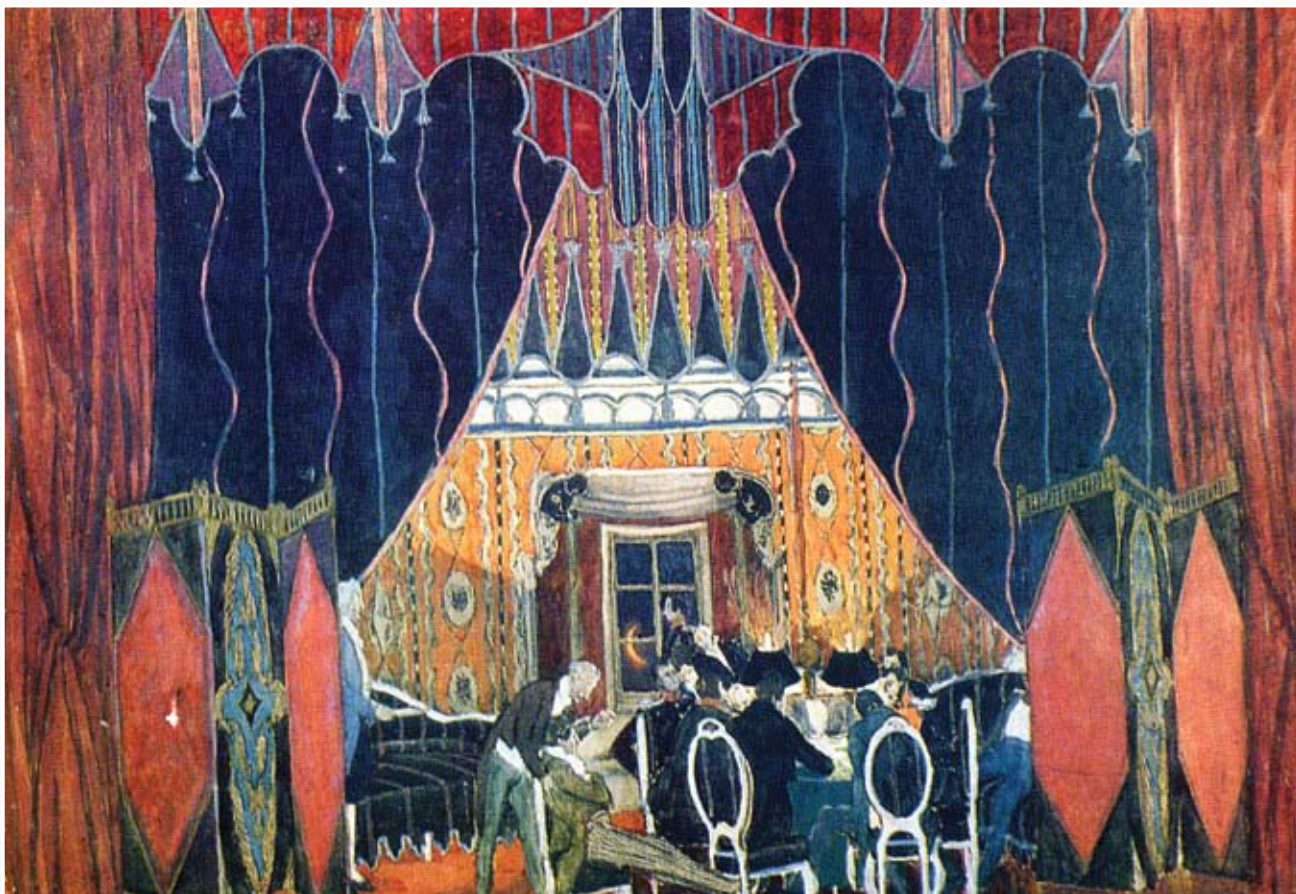
Но вот слева открывается огромная порталная дверь. В ней возникает Неизвестный. На нём чёрное домино, белая маска с птичьим клювом, из-под которой спускается длинное чёрное кружево, закрывающее грудь, плечи и спину. Эта страшная фигура, обнаруженная художником Головиным среди образов старинного венецианского карнавала, выходила на подмостки в музыкальной паузе. Молча, шагом важным и медленным Неизвестный пересекал авансцену, направляясь к противоположной двери. А за ним, будто повинувшись некой гипнотической силе, бесшумно гуськом двигалась вереница размалёванных, нагло ухмылявшихся, пританцовывавших масок. Страшный персонаж внезапно остановился, чтобы оглянуться и отыскать взглядом главного героя — Арбенина, и вся вереница масок, кривлявшихся за его спиной, замерла в оцепенении.

Неизвестный подошёл к Арбенину и медленно произнёс:

— Несчастье с вами будет в эту ночь!

Зловещая фраза раздалась посреди остановившегося маскарада, прекратившегося движения, умолкшей музыки. Вся сцена была в этот миг мертва и безгласна.

Было ли это пророчеством?

Этот театральный шедевр, подводивший итог целой эпохе исканий в жизни русского театра рубежа столетий, значил многое и в жизни его создателя Всеволода Эмильевича Мейерхольда, крупнейшего режиссёра XX в., реформатора русской сцены, оказавшего громадное влияние на судьбы мирового театра.

Ученик основателей Московского художественного театра Вл.И.Немировича-Данченко и К.С.Станиславского, отвергший их систему и создавший свой метод работы с актёром, Мейерхольд воплотил в своей судьбе всю трагическую раздвоенность души русского интеллигента, мечущегося между двумя магнитами-полюсами — свободой и властью, раскрепощённостью духа и подчинением революционной утопии. Он — великий артист, замороженный адской игрой огня революции. Наверное, не случайно, что его первый взлет как режиссера в 1917 г. был связан с «Маскарадом».

И этот же спектакль, возобновлённый в 1938 г., отмечал уход великого Мастера в небытие в сталинских застенках Лубянки. В этом спектакле обозначились и получили совершенное выражение два образа, две темы, сыгравшие роковую роль в судьбе Мейерхольда и, наверное, характерные для всего российского XX столетия.

Линии судьбы Мастера и века сошлись здесь. Это — образ империи и образ игры, понимаемой и очень широко, и предельно конкретно. Империя — это власть, олицетворяемая Петербургом-Петроградом-Ленинградом, городом, который ма-

нил Мейерхольда всю жизнь, из которого он бежал и в который возвращался, который он посетил в последний раз в 1939 г. и откуда был увезён уже бесправным арестантом. Империя, как и её столица, для Мейерхольда — это прежде всего лад и строй, окрылённая тяжесть, одухотворённая мощь. Но в то же время в ней воплощены тяжесть и деспотизм древних восточных империй — Ассирии, Вавилона, которые не возвышали, а подавляли, порабощали человека. Монументальность форм, правильность и совершенство архитектурного строя зачаровывали. Казалось, что ради этой мёртвой красоты допустимо пожертвовать свободой, что величие социальной архитектуры можно основать на порабощении личности. Мейерхольд вместе с другими деятелями культуры сказал: «Моя революция!» Это было роковой ошибкой не только самого Мейерхольда, но и времени, которое он выразил.

Но творчество брало своё. Образ игры — это карты, игорный дом, зелёный стол, рулетка. Не будучи сам азартным игроком, Мейерхольд понимал эту страсть как порыв к свободе и дал замечательные сценические воплощения её в «Маскараде» и «Пиковой даме». Впрочем, карты не вмещали в себя до конца тот смысл, который Мейерхольд вкладывал в символ игры. Смысл здесь гораздо шире. Стихия игры наполняла эксцентрический «Лес» по пьесе Островского (1924), в котором блистал Игорь Ильинский. Это была игра персонажей-масок, в которой история весело отражалась зеркалами ги-

пербол. Яркая размалёванность зрелища, вторжение резких звуков и диссонансов, обилие приёмов цирковой клоунады и акробатики — всё это придавало спектаклю балаганный простонародный характер. В нём Мейерхольд впервые опробовал приёмы киномонтажа и нового сценического метода, который он назвал предыгрой. Но самым замечательным были качели на сцене — метафора полёта, безграничной воли, раскрепощения души.

Стихия игры для Мейерхольда — воздух театра. Сама история, сама жизнь для него — череда сменяющихся мизансцен и масок. И революцию он воспринял как театральным человеком, увидев в ней высшее выражение игровых сил жизни. Он стал поэтом революции, потому что был поэтом игры. И потому что был революционером, ниспровергателем по призванию.

Два главных героя Мейерхольда — человек власти и человек игры: царь Борис и самозванец Григорий (из незавершённого «Бориса Годунова»), графиня и Германн (из «Пиковой дамы»), городничий и Хлестаков (из «Ревизора»).

Хлестаков являет собой наиболее интересный и близкий Мейерхольду двойственный человеческий тип — одновременно и игрока, и имперского персонажа. Хлестаков в блестящем исполнении Эраста Гарина совсем не был похож на известного нам хрестоматийного Хлестакова. Его повсюду сопровождал безгласный Неизвестный (заезжий офицер) с эполетами, в кивере и крылатке. Сам он появлялся в чёрном цилиндре, в прямоугольных роговых очках, с клетчатым пледом через плечо и тростью в руке. В петлице на верёвке висел бублик. Его движения были загадочны: движение руки прямо вверх, как жест самодержца, владеющего миром, и жест самозванца-игрока, осознающего за собой какую-то демоническую, тайную власть. Сама эта пластическая фигура напоминала гротескно исполненную картинку какой-то игровой карты. Какой? Мейерхольдовский Хлестаков — это джокер дьявольской колоды, одновременно карта-диктатор и карта-изгой, в силуэте которой присутствует нечто от Мефистофеля и от марионетки.

Мейерхольд деятельно творил на рубеже 1920–1930-х годов. Каждый сезон он выпускал по премьере, а иногда и по две. Но работа Мастера была прервана Неизвестным, однако не персонажем спектакля, а героем иной — жизненной — драмы. Мейерхольд знал, что все гонения против него идут от Сталина.

Последний невзлюбил Мейерхольда с первых лет революции. Может быть, это было связано с той шумихой вокруг мейерхольдовских театральных реформ, которые получили наименование «театрального Октября»? Неизвестно. Зато известно другое: с конца 1920-х гг. режиссер постоянно находился «на мушке» ОГПУ-НКВД.

Открытые же неприятности начинаются для Мейерхольда с 1933 г., со времени очередной партийной «чистки». Сталин нашёл роль, которую он

поручит бывшему актёру Художественного театра в своём спектакле. Диктатор был убеждён, что троцкизм, как чума, захватил советскую художественную интеллигенцию. А раз есть преступные элементы, «враги народа» — значит, у них обязательно должен быть лидер. Почему бы не попробовать на эту роль Мейерхольда? Он старый коммунист, хороший организатор, давно связанный с Троцким, который однажды назвал его «неистовым». И жребий пал на Мастера. Тем более что сценарий уже был неоднократно опробован на других — прежде соратниках, потом оппозиционерах: сначала предупреждение (*Молотов*: «Ну что, Мейерхольд, вы по-прежнему оригинальничаете?»), затем проработки и разносы в газетах, на собраниях и конференциях, закрытие известного во всём мире театра — и наконец арест. После — кровавый конвейер допросов. Обвинение стандартно, оно бессмысленно и не имеет значения. Развязка была близка.

До нас, потомков, дошёл документ из тюрьмы, точнее, письмо-крик человека, переставшего быть человеком: «Когда следователи в отношении меня, подследственного, пустили в ход физические методы своих на меня воздействий и к ним присоединили еще так называемую “психическую атаку”, то и другое вызвало во мне такой чудовищный страх, что натура моя обнажилась до самых корней... Меня здесь били — больного 66-летнего старика, клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху с большой силой) и по местам от колен до верхних частей ног. И в следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-жёлтым кровоподтёкам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось, что на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Меня били по спине этой резиной, меня били по лицу размахами с высоты...»

Всю жизнь Мастер хотел поставить «Гамлета». Не получилось. За 12 лет до гибели, в 1928 г., Мейерхольд встретился в Берлине с великим актёром Михаилом Чеховым, и тот уговаривал его не возвращаться в СССР, с точностью предсказав, чем кончится эта игра с властью. Мейерхольд не послушал. Был ли он так наивен или, может быть, слишком верил в свою удачу? Кто знает... Но ведь Гамлет тоже возвращается в Эльсинор, в мир, погрязший в крови, злодействах, интригах. Чтобы довести до конца свой план мщения. А Мейерхольд? Он тоже имеет к этому миру отношение, он связан с ним прошлой близостью. Игра и власть... Ведь Мастер — тоже диктатор. Он властелин судеб и душ — актёров и публики. Как и тот, с трубкой под рыжеватыми усами. Так что придётся померяться силами: кто кого — Арбенин против Неизвестного...

Мейерхольда-человека превратили в тюремную пыль, Мейерхольд-творец продолжает путь в искусстве.

Я жил среди русских...

Карл Теодор Казимир Мейергольд (Всеволод Эмильевич Мейерхольд) — (1874–1940) родился в Пензе в семье богатого владельца спиртоводочного завода. Отец семейства был выходцем из Германии, наполовину французом, мать — рижская немка. Когда Карлу исполнился 21 год, он «перешёл в православие и попросил окрестить себя Всеволодом в честь своего любимого писателя Гаршина». Вопрос о нерусском происхождении немало значил для юного Мейерхольда: «Как же я могу Германию назвать своей страной? Да ведь это смешно. ...Я жил среди русских, усвоил обычаи русского народа, полюбил его, воспитался на Гоголе, Пушкине, Лермонтове, Тургеневе, Толстом, Достоевском и других великих русских поэтах, писателях, молился на русском языке...» Ещё на гимназической скамье увлёкся театром, участвовал в любительски постановках. Но по настоянию семьи после окончания гимназии в 1895 г. Мейерхольд поступил на юридический факультет Московского университета. На следующий год, оставив юриспруденцию, он поступает в Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества, которое оканчивает с серебряной медалью и прекрасной аттестацией Немировича-Данченко в 1898 г. Тогда же он поступает актёром в Московский художественный театр. В 1902 г. Мейерхольд уходит от Станиславского, начинаются его скитания по провинции — Херсон, Тифлис, Пенза. Затем он организует Студию на Поварской в Москве, создаёт новое направление в театральном искусстве — символистский театр. В 1906 г. он принимает приглашение знаменитой актрисы Комиссаржевской стать режиссёром в её петербургском театре на

Офицерской. Через год работы в театре между Мейерхольдом и Комиссаржевской происходит разрыв. Владелица театра отвергла творческие принципы Мейерхольда, его новую театральную эстетику. Мейерхольд расстаётся с символистской драмой и становится режиссёром императорских театров, осуществляя постановки классических пьес.

В 1908–1917 гг. на сценах Александрийского и Мариинского театров в Петербурге он ставит пьесы Гамсуна, Островского, Лермонтова, оперы Глюка Штрауса, Мусоргского.

После Октябрьского переворота 1917 г. Мейерхольд сразу перешёл на позиции новой власти.

В августе 1918 г. он вступает в РКП(б). В первую годовщину Октября вместе с Маяковским ставит «Мистерию-буфф» — первую политическую пьесу в истории русского театра,

решённую в стиле народного балагана.

В 1920 г. назначается заведующим Театральным отделом Наркомпроса, фактически комиссаром всех русских театров. Тогда же Мейерхольдом был создан свой театр, получивший впоследствии знаменитое наименование ГостИМа (Государственного Театра им. Мейерхольда). Здесь он ставит свои знаменитые спектакли, ставшие классикой века, — «Лес» (1924), «Ревизор» (1926), «Горе уму» (1928), «Свадьба Кречинского» (1933), «Дама с камелиями» (1934).

17 декабря 1937 г. в газете «Правда» была опубликована разгромная статья, положившая начало травле Мейерхольда.

В 1938 г. закрыт ГостИМ. Мейерхольд арестован в Ленинграде в ночь на 20 июня 1939 г.

2 февраля 1940 г. расстрелян. Место его захоронения неизвестно.

В.Э.Мейерхольд. Художник А.Головин. 1917 г.